

А. В. Камитова (Ижевск)

Осмысление удмуртских переводных религиозных текстов XIX – начала XX вв. в научной литературе

В каждую эпоху переводы отличались количественным и качественным показателем. С началом печатных текстов, преимущественно переводного характера, правомерно появление и научных трудов. В них проложены первые пути в оценке качества переводных текстов с одного языка на другой. К подобным работам относятся "Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки въ начале текущего столетия" Н. Ильминского¹. Вместе с опубликованными текстами переводов (в частности, *"Переводъ христіанскія вѣры греческаго исповѣданія, церковныхъ молитвъ, какъ то: Отче нашъ, Богородице Дѣво радуйся, Символь вѣры, десятословіе и краткій катихизисъ, на вотяцкій діалектъ"* и *"Вотяцкій переводъ молитвъ и катихизиса, представленный Амвросіємъ епископомъ вятскимъ"*)² автор изложил свои мысли об их качестве. В переложенных молитвах (в частности, в *молитве Господней* из *"Переводъ христіанскія вѣры греческаго исповѣданія, церковныхъ молитвъ..."*) на удмуртский язык Н. Ильминский замечает "въ расположеніи словъ близкое, но впрочемъ не рабское, слѣдованіе порядку русскаго текста" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 6 л.], "нѣкоторое вліяніе татарскаго языка на вотяцкій" (*Въ символѣ вѣры: видимымъ всѣмъ и невидимымъ*), неправильное употребление / или перевод слов и т. п. [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 7 л.]. Эти и другие качества и погрешности "раз-

¹ Ильминский Николай Иванович (1822–1891) – ученый-востоковед, профессор Казанского университета, Казанской духовной семинарии. Им организована широкая переводческая деятельность [Удмуртская Республика 2000: 370].

² В примечании написано, что "разборъ обѣихъ вотяцкихъ переводовъ принадлежитъ воспитаннику учительской семинаріи, вотяку сарапульскаго уѣзда вятской губерніи Николаю Иванову" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 18 л.].

бираемого перевода указывают сильное участие в нем природного вотяка, который послужил толмачом русскому" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 8 л.].

Далее Н. Ильминский рассматривает качество удмуртских заповедей ("*Заповедьюсь*")³ в сравнении с черемисскими текстами. По его словам "вотяцкий перевод отличается от черемисского перевода, сдѣланнаго въ вятской же епархіи, тѣмъ, что инья молитвы опущены, а нѣкоторыя прибавлены, какихъ нѣтъ въ черемисскомъ переводѣ" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 16 л.]. Например, "въ катихизисѣ ученіе о таинствахъ изложено въ 17 вопросахъ и отвѣтахъ; всѣ они находятся въ черемисскомъ... переводахъ, а въ вотяцкомъ находятся только три вопроса съ отвѣтами" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 16 л.].

Удмуртский и черемисский вариант перевода 8-ой заповеди (из: "*Вотяцкій переводъ молитвъ и катихизиса, представленный Амвросіемъ епископомъ вятскимъ*") "сначала написанъ подстрочно" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 17 л.]. И особенно начало перевода, по наблюдениям Н. Ильминского, написанное подстрочно, "отличается совершенно буквальнымъ подражаніемъ русскому порядку словъ", но "большая часть его... довольно удовлетворительна по языку, хотя въ общемъ ходѣ изложенія и связи не совсѣмъ выдерживаетъ свойства и законы вотяцкаго языка" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 17 л.]. Поскольку в переложении молитв на вотский язык были приложены силы четырех переводчиков, по верному замечанию Н. Ильминского, на качество интерпретации могла повлиять разная степень знания ими языка [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 18 л.]. А также, полагает автор, "при перепискѣ собственноручныхъ переводовъ присутствующими вятской консисторіи, не только исправлялись орфографическія погрѣшности въ русскомъ текстѣ, но и самый переводъ прилаживался къ русскому тексту буквально, какъ это замѣчено было относительно черемисскаго перевода, подвергшагося токому же исправленію по рапорженію Амвросія епископа вятскаго. Только передѣлка вотяцкаго перевода вѣроятно превысила знаніе и терпѣніе исправителей, и они далеко не довели ее до конца" [РФ, оп. 2-Н, д. № 413. 17–18 лл.]. Как видим, Н. Ильминский определил разные причины, которые могли оказать влияние на качество перевода. Это: буквальный перевод или неправильное употребление / или перевод слов, особенности переводимого языка, психологические установки переводчиков и т. п.

В начале XX века на страницах периодической печати (напр., журналы "Русская школа", "Вятские Епархиальные ведомости") остро обсуждались вопросы об изданиях на удмуртском языке, разворачивались дискуссии по поводу вотских переводов. Многие русские священники и педагоги негативно относились как к учебным пособиям для "иностранцев", так и к переводам религиозных текстов на их языки. Например, Дидо, один из противников национальных языков, в мартовской книжке "Русской Школы" "доказывает, что вотскіе переводы не только совершенно бесполезны, но даже вредны для вотяковъ" [цит. по: Михеевъ 1900: 193].

Удмуртский просветитель И. С. Михеев, пытаясь отвести свой народ от заблуждения, решается "подѣлиться своими взглядами и мыслями о перево-

³ Анализ текстов заповедей ведется Н. Ильминским по: "Вотяцкій переводъ молитвъ и катихизиса, представленный Амвросіемъ епископомъ вятскимъ".

дахъ и школьномъ дѣлѣ среди вотяковъ” [Михеевъ 1900: 193]. Иван Степанович утверждаетъ: “Первый разъ вотскіе переводы появились около двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія” и ближайшею целью этихъ переводовъ, по его мнѣнію, “было – укрѣпить, путемъ преподаванія и чтенія вотякамъ священнаго писанія на понятномъ для нихъ языкѣ, въ сердцахъ ихъ начала христіанской вѣры и нравственности” [Михеевъ 1900: 193]. Просветитель прав, признавая недостижимость этой цели в виду того, что “переводчиками книгъ на вотскій языкъ были русскіе священники, плохіе знатоки вотскаго языка, и вслѣдствіе этого переводы ихъ выходили малопонятными и малоназидательными для вотяковъ” [Михеевъ 1900: 193]. Расценивая эту ситуацию, И. Михеевъ приходит к печальному выводу, что “первые опыты переводовъ для вотяковъ были неудачны” [Михеевъ 1900: 193]. По его мнѣнію, вотское переводческое дело вступило на новую орбиту своего развитія “только въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ” [Михеевъ 1900: 193]. Какъ известно, в эти годы большой вкладъ внес Н. И. Ильминскій. Под его руководствомъ “переводы составлялись природными вотяками или же крещеными татарами, свободно владѣвшими вотскимъ языкомъ” [Михеевъ 1900: 193]. Но употребленіе переводчиками татарскихъ словъ, входившихъ в составъ ихъ наречія, делали печатный трудъ не столь понятнымъ для читателя всехъ местностей Вятской губерніи⁴.

По утверждению И. Михеева, переводы после восьмидесятыхъ годовъ проходили многоступенчатую “филтрацію”. Этотъ фактъ позволяетъ говорить о серьезномъ подходе учителей к переводческому делу. Такъ, “составленіе переводовъ поручается вотякамъ, которые знаютъ не только свое, но и другія нарѣчія вотскаго языка; затѣмъ изготовленные переводы исправляются путемъ чтенія ихъ съ учениками Казанской учительской семинаріи, уроженцами разныхъ вотскихъ мѣстностей” [Михеевъ 1900: 194]. Можно утверждать, что в подобной практикѣ перевода в исторіи удмуртской словесности и языковѣдѣнія впервые предложена методика перевода. Конечно, ее еще нельзя назвать совершенной. Но благодаря такой технике работы “переводы сдѣлались понятными и полезными почти для всего вотскаго населенія” [Михеевъ 1900: 194].

Эти публикации имеютъ прямое отношеніе к процессу становленія критики и исторіи удмуртскаго перевода, поскольку в нихъ решались, обсуждались и оспаривались важные вопросы переводческаго дела. В дальнѣйшемъ публицистика благотворно повліяла на формированіе какъ литературы, такъ и критики.

В книгѣ Г. Е. Верещагина “О книгахъ на вотскомъ языкѣ” (1895) авторъ даетъ характеристику переводнымъ изданіямъ на удмуртскомъ языкѣ. Ученый пишетъ, что издаваемые книги оказываются неудачными и непонятными для иногородцевъ, поскольку они написаны с нарушеніемъ грамматическаго строя, фонетическихъ особенностей, безъ соблюденія синтаксическихъ правилъ удмуртско-

⁴ Такъ какъ переводы были составлены “на томъ нарѣчій вотяковъ, на которомъ говорили сами составители... не были одинаково полезны для всего вотскаго населенія, но... напримѣръ, вотякамъ Казанскаго и Мамядышскаго уѣздовъ Казанской губерніи и Уржумскаго и южной части Малмыжскаго уѣздовъ Вятской, принесли ... большую пользу” [Михеевъ 1900: 193–194].

го языка и предназначены для носителей определенных диалектов [Верещагин 2002: 13]. В критической части труда Г. Верещагина пропечатаны мысли и о методологической базе, необходимой при переводной работе. Например, автор акцентирует внимание о необходимости хорошего знания переводчиками (“равно занимаются им (переводами – А. К.) из русских” [Верещагин 2002: 21]) инородческих языков, пользоваться толкованиями святых отцов и словарей, избегать буквального перевода и др. [Верещагин 2002: 21]. Переводческая задача должна быть решена путем коллегиального участия переводчиков. Поэтому Г. Верещагин предлагает существенное замечание о необходимости поручения переводов “особой комиссии из имеющих запас учености и хорошо обладающих тем языком, на который переводится книга” [Верещагин 2002: 21], а рукопись перевода должна быть прочтена в различных вотских местностях для получения одобрительных отзывов к печати [Верещагин 2002: 22].

В период первой русской революции (1905–1907 гг.) писатели-просветители (И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Г. Е. Верещагин) большое внимание уделяли программе культурного просвещения народа, пробуждения его самосознания. Так, по мнению И. Яковлева, “въ послѣднее время миссія среди инородцевъ работаетъ усиленно и съ нѣсколько лучшими результатами, такъ какъ теперь миссіонерское дѣло поставлено болѣе правильно: миссіонерами являются сами инородцы въ лицѣ священниковъ, діаконов, учителей, которые въ общеніи съ насѣленіемъ пользуются его роднымъ языкомъ” [Яковлевъ 1906: 35].

Переводная духовная литература по содержанию не была столь родной для удмуртского населения. К тому же русская транскрипция полностью не соответствовала живой речи вотского народа. Литература церковного содержания не оставила “большого следа в развитии эстетического вкуса и культуры слова” [Хлебников 2001: 22]. Но такая форма переложения текста положила начало для усовершенствования переводного мастерства и сыграла положительную роль в развитии удмуртской письменности и изящной литературы. “Благодаря трудам духовенства, появились первые печатные книги на удмуртском и других языках народов Удмуртии. Система духовного образования подготовила... значительное число деятелей, трудившихся на светском поприще – в политике, науке, литературе и искусстве” – справедливо отмечает исследователь Е. М. Берестова [Берестова 2005: 181]. Хотя существуют и противоположные мнения. Например, Н. П. Кралина и А. Н. Клабуков считают, что “церковные переводы в массе своей не могли составить этапа в практике перевода с русского языка на удмуртский, ибо переводчики должны были передавать русский текст дословно, игнорируя грамматический строй и лексические возможности родного языка” [Кралина, Клабуков 1955: 195]. Таким образом, в дореволюционном литературном мире “был переводной язык евангелий, октоихов, молитвенников... с установленными канонами священнописания, с торжественно идеалистическим, тягучим, нудным стилем” [О принципах... 1937: 23].

В конце XIX – начале XX вв. “не утихали споры о необходимости перевода богослужбных книг на удмуртский язык” [Берестова 2005: 171]. Высказывались противоречивые мнения. Одни считали, что необходимо “как можно

больше переводить и печатать литературу, и не только религиозную, на удмуртском языке” (М. Елабужский) (цит. по: [Берестова 2005: 171]), другие считали удмуртский язык “примитивным для передачи евангельского учения” (В. Кувшинский) (цит. по: [Берестова 2005: 171]). Но “издания переводной литературы длительное время были по существу основным – если не единственным – корпусом для чтения на удмуртском языке, – отмечает В. К. Кельмаков. – По этим книгам постигали азы грамотности многие удмурты, в их числе целая плеяда удмуртской интеллигенции первого и второго поколений: Г. Е. Верещагин, И. В. Васильев, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Кедр Митрей, И. Шкляев, М. П. Прокопьев, М. Г. Можгин, М. и Я. Ильины, Кузубай Герд, Ашальчи Оки и многие другие” [Кельмаков 2008: 48].

До Октябрьской революции тексты религиозного содержания на удмуртском языке уже имели определенную почву для дальнейшего формирования. На протяжении XIX в. переводы сакральных текстов и книг продолжались. “Примерно так же обстояло дело и со многими другими языками народов царской России” – замечает исследователь А. П. Феоктистов [Феоктистов 1975: 232]. Поэтому “попытки организации перевода светской литературы приобретали значение важных демократических акций со стороны прогрессивных деятелей русской культуры и науки” [Феоктистов 1975: 232]. В начале XX в. вопрос “о высокой важности печатного слова для вотяков, а следовательно и крайней необходимости издательского дела” [РФ, оп. 2-Н, д. № 5а, л. 1] по-прежнему остается волнующей проблемой удмуртского народа.

Таким образом, с началом издания первых переводных текстов и по настоящее время проблема квалифицированного переводчика остается на первом месте. Переложение художественного произведения с одного языка на другой часто происходит по подстрочнику. Хуже обстоит дело, если переводчик не владеет языком оригинала. Поэтому вопрос о подготовке кадров остается актуальным.

Список литературы

Ильминский Н. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия, 1885. [Фотоконии] // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, оп. 2-Н, д. № 413. 22 л.

Удмуртская Республика: энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. Ижевск: Удмуртия, 2000.

Каракулов Б. И. Переводческая деятельность в истории удмуртского литературного языка // Национальные языки России: Региональный аспект. К 50-летию компермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета. Материалы Международной научно-практической конференции (20–21 октября 2005 г., Пермь) / отв. ред А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2005. С. 116–120.

Михеев И. Вотские переводы и учителя // Русская школа. 1900. № 5–6. С. 193–205.

Верещагин Г. Е. О книгахъ на вотскомъ языкѣ // Г. Е. Верещагин. Собрание сочинений в 6 томах. Т. VI. Кн. 1: Труды по языкознанию / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. С. 13–22.

И. Яковлевъ. Современные вопросы инородческаго просвѣщенія // Русская школа. 1906. № 7–8. С. 35–46.

Хлебников Г. Я. Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 302 с.

Берестова Е. М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск, 2005. 232 с.

Кралина Н. П., Клабуков А. Н. Зарождение удмуртской художественной литературы // Записки. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1955. Вып. 17. С. 193–205.

О принципах терминологической работы и переводов с русского на удмуртский язык // Записки. Ижевск, 1937. Вып. 7. С. 20–42.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособ. / Удм. гос. ун-т. Фак-т. удм. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2008. 420 с.

Соображения по вопросу постановки Вотского издательского дела и распространения среди населения книг. Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, оп. 2-Н, д. № 5а. 3 л.